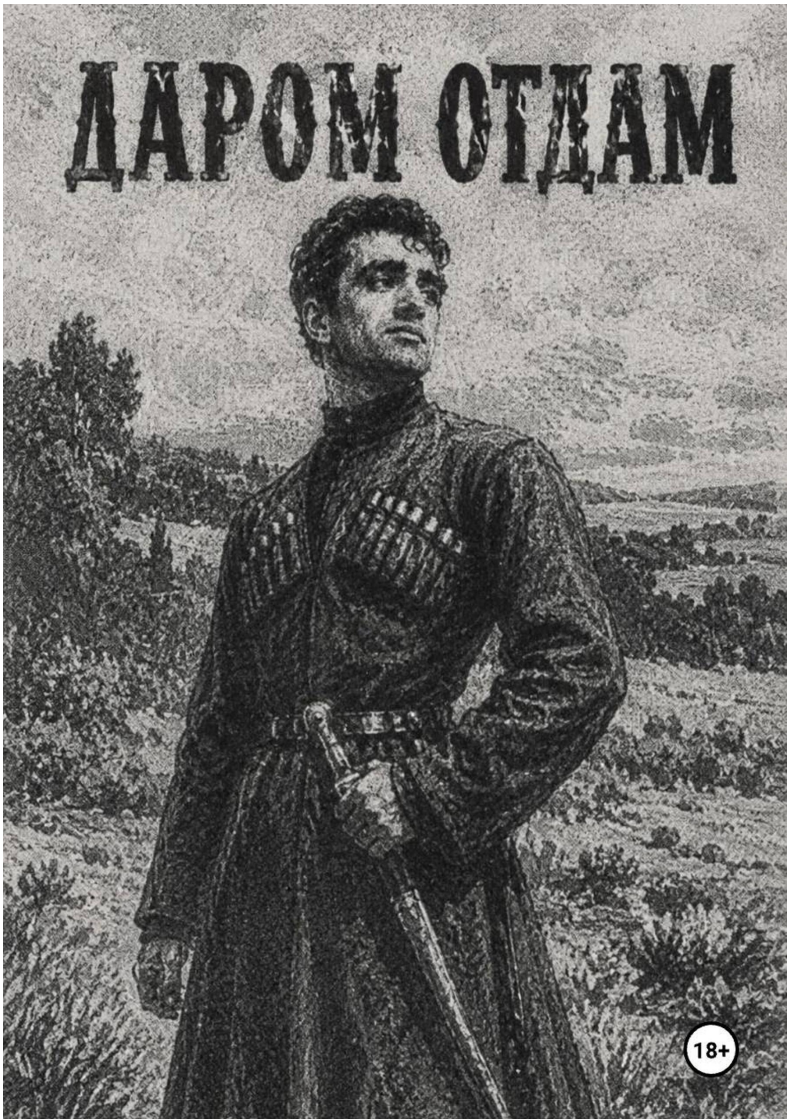
ДАРОМ ОТДАМ



18+

Амир Алиев
Даром отдам

https://litres.ru/75022044
SelfPub; 2026

Аннотация

Кавказ, XIX век. За рекой Кубанью, среди непроходимых лесов и горских аулов, продолжается противостояние Российской империи и непокорных племён. Двадцатилетний Андрей Гаврилов, черкесо-гай и лазутчик генерала фон Засса, отправляется за Кубань под видом богатого армянского купца. Его задача — добыть сведения и склонить один из горских аулов к союзу с русскими властями.

Однако знакомство с семьёй старейшины Шарифа открывает перед ним чужую беду. Его дочь Мадину собираются отдать в жёны могущественному и немолодому Хас-Булату, чтобы уберечь род от вражды и кровопролития. Андрей решает вмешаться, но вскоре понимает, что на Кавказе не всякую судьбу можно изменить одним лишь оружием или золотом.

Между воинским долгом, законами гостеприимства и запретным чувством ему предстоит сделать выбор, цена которого останется с ним на долгие годы.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Даром отдам

Глава 1

Осенний ветер Закубанья резал лицо, неся с собой горьковатый дух полыни и прелой листвы из пойменных лесов. Здесь, за быстрой, мутной Кубанью, начинался иной, враждебный мир. Позади, на высоком крутом яре правого, русского берега, осталась крепость Прочный Окоп. А впереди расстилалась лесостепь — бескрайняя равнина, изрезанная глубокими балками и укрытая непролазной чащей вдоль извилистых русел Кубани, Урупа и Лабы. Эти глухие дебри и скрытые в низинах овраги служили верным укрытием для горских засад. И лишь далеко на юге, у самой кромки горизонта, стыла гряда вечных снегов Главного Кавказского хребта.

По истоптанной конскими копытами тропе, петлявшей среди высоких зарослей кизила и терновника, мерно продвигался одинокий всадник. Двадцатилетний черкесо-гай Андрей Гаврилов сидел в седле с той непринуждённой ловкостью, что безошибочно выдавала человека, выросшего верхом. Под ним ровно и споро шёл тёмно-гнедой кабардинец — зверь крепкий, горячий и неутомимый. Андрей ехал молча, цепким взглядом оглядывая лесную глушь.

Одет он был добротно и строго — так, как и подобало черкесо-гаю: эти горные армяне за столетия жизни среди адыгов переняли их язык, обычаи, нравы и платье, сохранив лишь веру предков. На всаднике была длиннополая черкеска из темного сукна с ровными рядами газырей на груди. Из-под

нее виднелся шелковый бешмет, а ноги облегали мягкие сафьяновые чувяки, незаменимые для верховой езды и бесшумного шага в лесу. На голове сидела мохнатая баранья папаха. За правым плечом виднелось длинное ружье в бурочном чехле, на узком ремешке через правое плечо висела шашка, а на наборном поясе тяжело покачивался широкий кинжал. Никто в этих краях не ведал, что за привычной маской мирного армянского купца скрывается верный лазутчик генерала фон Засса — один из тех черкесо-гаев, кто рисковал жизнью ради сведений для кордонной Линии.

Андрей пробирался в аул старейшины Шарифа под самым надежным из возможных предлогов. На длинном поводе он вел за собой двух вьючных лошадей, чьи спины отягощали объемистые переметные сумы. В них таилось подлинное сокровище для измученных войной горцев: глыбы драгоценной белой соли, железо и медная утварь. Но главной приманкой служил «красный товар» — ситцы, кумач, бязь и шелковые платки, которые черкесо-гаи испокон веков везли за реку для выгодного вымена на шкуры, воск и дикий мед.

Тропа нырнула в очередную глубокую балку, густо поросшую цепким кустарником. Андрей поправил на плечах черную бурку и легонько тронул коня нагайкой. До аула оставались считанные версты.

Вскоре тропа, вившаяся сквозь пойменную чащу, вывела всадника на широкую прогалину. Лес расступился, открывая взору селение старейшины Шарифа. Аул жался к земле в

низине у речной излучины, словно укрываясь от стылых ветров и незваных гостей, а сразу за плетеными саклями вставал темной, глухой стеной вековой лес — последняя твердыня и убежище непокорных.

Аул оказался небогатым. Наметанный глаз лазутчика с первого же взгляда отметил и общую убогость селения, и печать крайнего истощения, наложенную долгой войной. Низкие турлучные сакли, сплетенные из хвороста и густо обмазанные серой глиной, теснились друг к другу вдоль кривых проулков. Их плоские земляные крыши, над которыми кое-где вился жидкий сизый дым очагов, успели местами порасти пожухлым бурьяном. Тесные дворы отгораживались от троп высокими колючими плетнями, за которыми виднелись скудные огороды и голые ветви фруктовых деревьев.

Появление чужака не могло укрыться от аульчан. Первыми зашлись хриплым, остервенелым лаем лохматые псы, кинувшиеся прямо под копыта. Андрей коротким, хлестким взмахом нагайки отбросил ближайшего волкодава. Темно-гнедой жеребец под ним лишь зло всхрапнул, даже не сбившись с ровного шага. Из-за плетней тотчас высунулись вихрастые головы чумазых мальчишек в рваных бешметах, а в темных проемах дверей замелькали бледные лица женщин, поспешно запахивающих платки.

Следом со дворов стали молча выходить мужчины — суровые, изможденные горцы в потертых, выцветших черкесках, многие со следами застарелых рубцов на лицах. Опира-

ясь на длинные ружья или держа ладони на рукоятях кинжалов, они неспешно стягивались к небольшой площади в центре аула, беря всадника в кольцо. Их цепкие, недобрые взгляды примечали все: и стать превосходного кабардинского коня, и дорогую серебряную отделку на оружии чужака. Но дольше всего их взоры задерживались на раздутых переметных сумах вьючных лошадей. Весть о том, что пожаловал богатый черкесо-гай, мигом облетела сакли. В глазах местных воинов читалась отчаянная нужда: отрезанность от кордонной Линии превращала белую соль и фабричные ткани в бесценное сокровище, ради которого в этих лесах не задумываясь пускали в ход кинжал.

Толпа сжималась. Андрей натянул поводья, останавливая коня, и обвел собравшихся холодным, невозмутимым взглядом человека, знающего себе цену и твердо уповающего на святость древних законов гостеприимства. Спешиваться он не торопился: как и подобало на Кавказе, гостю следовало дождаться, пока к нему выйдет хозяин.

Вдруг толпа впереди беззвучно расступилась, образуя коридор. К Андрею неспешно вышел невысокий, сухощавый старик с седой, острой бородой; его левая рука привычно придерживала шашку в простых черных ножнах. Лицо горца, изрезанное глубокими морщинами, походило на потемневший от времени дуб, а из-под лохматой папахи смотрели встревоженные глаза. Черкеска на нем была лишена богатых серебряных галунов, но сидела с тем врожденным благород-

ством, которое безошибочно выдавало его высокое положение. Это был сам Шариф — глава и старейшина аула.

Старик остановился в двух шагах от коня Андрея, долгим, пронизывающим взглядом изучая лицо прибывшего торговца, словно пытаясь разглядеть, что кроется за его добротным нарядом и показным спокойствием.

Тягостное молчание, повисшее над тесной аульной площадью, длилось недолго. Враждебность в жестких глазах Шарифа на мгновение уступила место любопытству и расчету. Суровые складки на его лице дрогнули, и старик, свято повинуясь незыблемым законам кавказского гостеприимства, чуть заметно, но приветливо улыбнулся. Для горца гость, кем бы он ни был, считался лицом неприкосновенным.

Увидев этот обнадеживающий знак, Андрей плавно перекинул ногу через круп и легко, почти неслышно спрыгнул на землю. Осторожно придерживая ножны, чтобы те не ударились о камни, он сделал шаг навстречу старейшине. Приложив правую руку к груди, юноша почтительно, но без малейшего подобострастия склонил голову в традиционном приветствии.

— Мир твоему дому и твоему роду, почтенный Шариф, — произнес Андрей на безупречном черкесском наречии. Его голос звучал ровно и уверенно, как и подобало богатому, независимому человеку. — Да обойдут ваш аул болезни, голод и пули врагов. Я пришел к вашему очагу с миром и добром.

Шариф молча кивнул, принимая приветствие, но его цепкий взгляд продолжал изучать гостя. Тогда Андрей не торопясь сделал широкий, приглашающий жест в сторону своих вьючных лошадей, чьи бока мерно вздымались после трудного пути.

— Мой народ издавна ведет честный торг с твоими славными джигитами, старейшина, — продолжил лазутчик, умело играя роль гордого черкесо-гая. — Я знаю, как сейчас трудно твоему народу. В моих сумах то, в чем вы так нуждаетесь. Я привез вам чистую, как снег на вершинах, белую соль. Привез крепкое железо, медную утварь, а для ваших женщин и невест — лучший «красный товар»: ситцы, кумач, тонкую бязь и шелковые платки. Все это я готов с выгодой обменять на кожи, мед и воск, если на то будет твое дозволение.

При слове «соль» по толпе вооруженных мужчин, сжимавших кольцо вокруг площади, пронесся жадный шепоток. Строгий запрет кордонной Линии на меновую торговлю делал свое дело, и соль в этих краях ценилась на вес золота. Улыбка Шарифа стала чуть шире и искреннее. Для его истощенного, уставшего от лишений аула этот богатый купец был истинным спасением, посланным небесами.

— Гость — посланник Аллаха, — торжественно ответил Шариф, и его глубокий, чуть хрипловатый голос разнесся над притихшей площадью. — Твой приход — радость для нас, купец. Товар твой действительно хорош и нужен нам.

Но для меня позорно говорить о торговле, пока путник не утолил жажду и не стряхнул с себя дорожную пыль. Прежде чем мы начнем торг, ты должен преломить со мной хлеб и найти отдых у моего очага.

Шариф сделал властный жест рукой, и тотчас несколько молодых горцев с готовностью бросились к лошадям Андрея. Они почтительно приняли из его рук поводья кабардинского жеребца и взяли под уздцы вьючных лошадей с товаром, уводя их в безопасное место под навес.

Старейшина медленно повернулся и неспешно повел гостя по узкой, извилистой тропинке к своему двору. Андрей, сохраняя внешнее спокойствие, шагал следом.

Вскоре они подошли к самому просторному в ауле двору, обнесенному высоким колючим плетнем. В глубине высилась добротная сакля хозяина, а чуть поодаль стояла кунацкая — гостевой дом, двери которого были радушно распахнуты настежь. Оттуда тянуло запахом сухого сена и горьковатым духом домашнего очага.

Андрей, пригнув голову, шагнул через низкий порог кунацкой. Внутри царил густой полумрак; пахло степными травами и сладковатым дымком тлеющих дров. Юноша быстро оглядел убранство гостевой сакли. Оно было строгим, простым, но содержалось в той безупречной чистоте, какую диктовали незыблемые законы горского гостеприимства. Глинобитные стены были гладко вымазаны, и на них тускло поблескивало тщательно начищенное оружие хозяев — старые

шашки в потертых ножнах, кремневое ружье и пара кинжалов. Земляной пол густо устилали добротные войлочные кошмы, а поверх них был брошен выцветший, но когда-то дорогой персидский ковер с затейливым узором. Посреди комнаты, ближе к теплу очага, стоял низкий круглый столик на трех ножках — анэ, вокруг которого лежали мягкие сафьяновые подушки для гостей.

Отстегнув плечевую портупею и бережно положив шашку рядом с собой на ковер в знак мирных намерений, Андрей плавно опустился на подушки, поджав ноги. Не успел он вслушаться в тишину дома, как деревянная дверь негромко скрипнула.

В кунацкую шагнул молодой черкес — почти ровесник Андрея, на вид не старше двадцати лет. Юноша был строен и наделен той резкой, хищной красотой, что так свойственна горцам, но в его темных глазах читалась глубокая, затаенная тоска и усталость от бесконечной резни. При виде вошедшего Андрей, свято чтя местный этикет, тотчас поднялся на ноги.

Они обменялись приветствиями, приложив правые руки к сердцу.

— Мир тебе, гость, — негромко произнес вошедший. — Меня зовут Амир, я сын Шарифа.

— И тебе мир, Амир, — почтительно ответил Андрей, чуть склонив голову.

Молодой черкес жестом предложил гостю сесть, и они

вместе опустились на ковры у низкого столика. Некоторое время сидели молча, отдавая дань уважения тишине, пока Амир не заговорил первым:

— Как нынче жизнь в вашем новом Армянском ауле? Давно мы не видели в наших лесах богатых торговцев.

Андрей ответил не сразу. Ему пришлось мысленно вернуться в прошлое, воскрешая в памяти картины родного селения на Кубани, которое он покинул, променяв сытую купеческую жизнь на смертельно опасное ремесло русского лазутчика.

— Аул цветет, — ровным, размеренным голосом начал он, безупречно играя роль гордого и зажиточного купца. — Места у нас богатые. Мои косяки кабардинских лошадей исчисляются сотнями голов, пастбища полны буйволов и овец. И у соседей моих стада не меньше. Мои пшитли и унауты исправно трудятся от зари до зари, засевая поля пшеницей и кукурузой. Слава Всевышнему, живем мы в достатке.

Амир слушал его слова с легкой, едва уловимой завистью человека, чей собственный народ задыхался в тисках нищеты и военной нужды.

— А что твоя родня? — после долгой паузы спросил горец. — Большая ли семья? Есть ли жена, чтобы беречь тепло твоего очага?

— Семья есть, — кивнул Андрей, задумчиво глядя на пляшущие языки пламени. — Дед мой совсем плох, стар стал, почти не поднимается с кошмы. Отец с матерью живы,

слава Богу, их двор стоит по соседству с моим. Сестра недавно вышла замуж и теперь живет в чужом роду.

Амир пытливо посмотрел на молодого купца.

— Ты обошел молчанием самое главное. Ты не сказал про жену, — тихо, но настойчиво повторил он.

Андрей чуть нахмурился. Маска невозмутимого богача дала трещину.

— Я женат уже четыре года, — произнес он неохотно, и голос его дрогнул от сдерживаемого раздражения. — Ее зовут Амалия. Это был сговор отцов. Она старше меня на год. Толстая, лицом не пригожая… И детей у нас за эти четыре года так и не случилось.

В глазах Амира мелькнуло странное, глубокое понимание.

— Ты любишь ее? — прямо спросил черкес.

Андрей горько и вымученно усмехнулся. В этой чужой сакле, перед этим чрезмерно любопытным юношей, ему вдруг стало невыносимо тесно в своей выдуманной роли. На поверхность рвалась та самая жгучая правда, от которой он когда-то и сбежал из родного дома под горские пули.

— Она мне дорога, Амир, — медленно произнес Андрей, взвешивая каждое слово. — Дорога, потому что она моя жена по закону. Но… я не хочу ее видеть. Мне душно в собственном доме.

Амир тяжело вздохнул, и его лицо на миг исказила тень неподдельного отчаяния.

— Тяжело жить с нелюбимым человеком. Невыносимо

видеть его каждый день… и день за днем, не любя, смотреть ему в глаза.

Лицо Андрея неуловимо дрогнуло. На краткий миг непроницаемая личина надменного торговца спала, обнажив затаенную, саднящую боль. Слова Амира ударили в самое уязвимое место, в ту саму рану, от которой он бежал искать смерти на кордонной Линии. Он отвел взгляд от пылающего очага и в упор посмотрел на молодого черкеса. Теперь в его глазах не было купеческого расчета — только сумрачное, тяжелое понимание двух товарищей по несчастью.

— Расскажи мне о своем ауле, Амир, — негромко, но властно попросил Андрей, желая стряхнуть с себя наваждение собственных воспоминаний. — Расскажи о своей семье. Я вижу острую нужду в ваших глазах, хоть вы горды и пытаетесь ее скрыть.

Амир горько усмехнулся. Взгляд его потух, он опустил голову, бесцельно перебирая бахрому ковра.

— Что рассказывать, купец? Посмотри на нашу саклю — она пуста. Война вытянула из нас все жилы, но хуже войны — наши собственные соседи. У нас почти не осталось стад. Не так давно люди из аула Ахмета, под покровом ночи, напали на наши пастбища и угнали лучший скот. Наши молодые воины кипят от ярости, они рвутся в набег, чтобы смыть позор кровью и вернуть свое. Но мы бессильны. Род Ахмета слишком велик, и они в союзе с могущественным абадзехским племенем… с родом старого Хас-Булата.

Амир замолчал, судорожно сглотнув, словно следующие слова давались ему с физической болью.

— Чтобы отвести от нас гнев этого проклятого племени, чтобы Ахмет и Хас-Булат не вырезали наш истощенный аул до последнего младенца, мой отец, Шариф, пошел на тяжелый сговор. Он отдает Хас-Булату самое дорогое, что у нас есть. Мою сестру, Мадину. Моя сестра скорее бросится с обрыва в бурную реку, чем покорно выйдет замуж за этого старика. Мой отец… Шариф стал слаб. Годы сломили его волю. Он так любил Мадину, что позволял ей всё, не смог обуздать её нрав, когда она была ребенком, и вырастил непокорную дочь. Она противится этому браку, её слезы жгут мне сердце! Клянусь Всевышним, купец, я отдал бы свою жизнь, я сделал бы всё возможное и невозможное, чтобы спасти сестру! Но адаты связывают мне руки. Воспротивиться воле отца — несмываемый позор.

В повисшей тишине кунацкой было слышно лишь, как ровно трещат поленья в очаге. Андрей медленно подался вперед. В его уме, изощренном в поиске чужих уязвимостей суровой школой генерала фон Засса, мгновенно созрел дерзкий, отчаянный план.

— Ты говоришь, что сделал бы всё возможное, Амир? — голос Андрея зазвучал вкрадчиво, почти завораживающе. — А что, если я скажу тебе, что есть способ? Способ не только уберечь твою сестру от несчастья, но и спасти весь ваш аул от нищеты и вечного страха перед Хас-Булатом.

Амир вскинул голову. В его потемневших глазах вспыхнула шальная искра надежды, смешанная с недоверием. Он подался к Андрею, жадно вслушиваясь в каждое слово, готовый ухватиться за эту брошенную соломинку. Он открыл было рот, чтобы спросить, как такое возможно…

Но этот напряженный миг был грубо разорван тяжелыми, мерными шагами возвращающегося старейшины. А следом за ними, подобно шелесту весеннего ветра, до слуха Андрея донеслась иная поступь — легкие, едва уловимые девичьи шаги.

Дверь отворилась шире, и внутрь неспешно шагнул Шариф. За его спиной, у самого порога кунацкой, остановилась девушка, неся в руках поднос со скромной, но сытной снедью. По незыблемому горскому обычаю, она не смела переступить порог гостевой сакли, пока там находился посторонний мужчина.

Амир тотчас поднялся навстречу, чтобы принять у нее еду. Пока брат забирал поднос, Андрей замер. Острый взгляд лазутчика, привыкший цепко примечать лишь угрозы да скрытое оружие неприятеля, теперь жадно ловил каждую черту девушки, застывшей в дверном проеме.

Она была невелика ростом и хрупка, но в каждом ее движении сквозила природная грация. Из-под легкого головного убора выбились непокорные смоляные пряди, обрамляя удивительно миловидное, по-юношески нежное лицо. В ее темных глазах, бросивших быстрый, настороженный взгляд

на чужака из-за плеча брата, читалась не рабская покорность, а живой, непокорный нрав.

Передав ношу, Мадина, словно легкая тень, бесшумно скользнула прочь и растворилась во дворе, оставив после себя лишь легкий шорох платья да внезапное смятение в холодной душе лазутчика.

— Амир, — строго проговорил Шариф, тяжело опускаясь на кошму у очага, — гость устал с дороги, а ты докучаешь ему пустыми расспросами. Расставляй угощение.

Андрей, усилием воли отведя взгляд от опустевшего дверного проема, вежливо и с достоинством склонил голову в сторону хозяина дома.

— Не кори сына, уважаемый Шариф, — произнес он ровным, почтительным голосом. — Эта беседа была для меня в радость. С твоего дозволения, я охотно продолжу ее позже.

Тем временем Амир ловко расставил на низком круглом столике принесенную снедь. Появился свежий чурек, домашний сыр, куски вареного мяса. Мужчины придвинулись к столу и приступили к трапезе. Ели неторопливо, соблюдая степенное молчание, пока старейшина не решил нарушить тишину.

— Как прошел твой путь, купец? — Шариф проницательно посмотрел на Андрея. — Спокойной ли была дорога?

— Путь как путь, — сухо и невозмутимо ответил лазутчик, отламывая кусок чурека. — Ничего необычного.

Шариф покачал головой, и в его прищуренных глазах

мелькнула тень подозрения.

— В наших краях много враждебных родов, у которых черные помыслы. В лесах рыщут шайки хищников. Не боязно ли тебе путешествовать в одиночку с таким богатством?

Андрей усмехнулся одними губами. Его рука уверенно легла на рукоять кинжала, висевшего на поясе.

— Мое верное ружье и острая шашка найдут управу на любого недруга, что посмеет преградить мне путь.

Шариф отложил еду и с искренним изумлением вскинул седые брови.

— Твои слова звучат дерзко. Для армянина ты слишком воинственен. Твой народ привык держать в руках торговые весы, а не сталь.

Андрей выпрямился, расправив плечи. Личина простого торговца сменилась надменностью аристократа.

— Я не просто купец, — произнес он с гордостью. — Я веду свой род от Багратуни — древних армянских царей. А в нашем роду всегда рождались славные воины.

С этими словами Андрей плавным движением отстегнул от пояса свой кинжал — подлинное произведение оружейного искусства, призванное служить безупречным подтверждением его родословной. Свято чтя законы гостеприимства, он не стал обнажать клинок полностью. Вместо этого юноша большим пальцем чуть сдвинул рукоять, со щелчком выпустив лезвие из устья. В тусклом свете очага зловеще блеснула превосходная сталь с искусной старинной гравировкой у

самого основания: бегущий лев, а над ним — крест.

С негромким стуком вогнав клинок обратно, Андрей положил оружие прямо в ножнах на столик перед старейшиной.

— Армяне умеют быть яростными воинами, когда это необходимо, — добавил Андрей, глядя прямо в жесткие глаза Шарифа. — А когда войны нет, они становятся добрыми купцами.

Шариф долго смотрел на древнее оружие, оценивая невероятную работу мастера, а затем перевел тяжелый взгляд на гостя.

— О да… — с горечью произнес старый горец. — Настолько добрыми, что обдирают последнее у своих покупателей, пользуясь нашей нуждой и тем, что кордонная Линия наглухо закрыта для мены.

Андрей ничуть не смутился. Он небрежно вернул бесценный кинжал на пояс и, чуть подавшись вперед, спокойно ответил:

— Ты, почтенный Шариф, прекрасно знаешь, как устроен торг. Мой товар хорош, но я лишнего с вас не возьму.

Трапеза подошла к концу. Старейшина Шариф, отерев руки, дал знак, и двери кунацкой распахнулись. Торг, начавшийся под кровом гостевой сакли, вскоре выплеснулся во двор, а затем и на небольшую аульную площадь. Андрей, безупречно играя роль богатого и щедрого армянского купца,

должен был торговать со всем селением. На разостланные прямо на земле бурки ложился его бесценный товар: сверкающая белая соль, звонкое железо, медная утварь и пестрый «красный товар» — ситцы, бязь и шелковые платки. Взамен истощенные войной горцы несли свои скудные богатства: овчины, связки куньих и лисьих шкур, тяжелые круги желтого воска и кадушки с диким медом.

Торг кипел до самого вечера. Андрей ни с кем не спорил из-за лишней горсти соли или аршина ткани, поражая аульчан своей небывалой для заезжего барышника сговорчивостью. К закату переметные сумы его лошадей наполнились товаром горцев, а почти вся привезенная мануфактура разошлась по саклям.

Когда багровое солнце начало скрываться за темной стеной пойменного леса, Андрей, сославшись на усталость, отошел к навесу. Он приблизился к своему темно-гнедому кабардинцу и остановился, делая вид, что проверяет подпругу и вьюки.

Здесь, в спасительном одиночестве, маска приветливого купца мгновенно слетела. Лицо юноши окаменело. Глядя на угасающий горизонт, Андрей начал хладнокровно взвешивать те крохи сведений, что удалось выведать за этот долгий день для своего командира.

Выводы складывались в ясную, безжалостную картину.

Этот аул, аул старого Шарифа, вконец истощен и слаб; он больше не представляет для русских кордонов никакой угрозы. Зато соседнее селение Ахмета сильно как никогда. Более того, могущественный род Хас-Булата находится с Ахметом в крепком союзе. Абадзехское племя, к которому они принадлежат, непреклонно в своем фанатичном упрямстве, их не сломить ни дипломатией, ни строгим кордонным запретом на мену.

Андрей машинально погладил коня по теплой шее. В глазах лазутчика застыла решимость. Раз абадзехи не понимают языка мира, значит, против них придется действовать проверенной, жестокой зассовской методой. Его командующий давно доказал, что увещевания и милосердие в этих местах не годятся, здесь нужно брать лишь страхом и грозой.

В уме Андрея всплыли детали этой безжалостной тактики. Налететь внезапно, под покровом ночи. Истребить всё. Сжечь дотла каждую саклю вместе с теми, кто попытается оказать отпор. Угнать весь горский скот, лишив их пропитания, и взять пленников. Изрубить каждого, кто осмелится поднять оружие или просто окажется на пути. Обратить поселения в пепел, стереть их с лица земли, чтобы уцелевшим некуда было возвращаться. Чтобы сломить горцев, нужно держать их в вечном, трепетном ужасе.

По-другому наместником шайтана не стать. Таков метод

Засса, и он работает.

Суровые мысли Андрея прервал хруст сухой ветки. Лазутчик невольно дернул руку к кинжалу, но тотчас сбросил напряжение, вновь надевая на себя непроницаемую личину миролюбивого армянского купца.

Из сгущающихся сумерек к навесу неслышно подошел Амир. Юноша кутался в старую бурку, спасаясь от сырой вечерней прохлады.

— Уже поздно для дороги, купец, — негромко произнес молодой черкес, кивнув на заходящее солнце, последние лучи которого тонули в густом лесу. — Солнце село. Идти во тьме одному — верная гибель. Ночью в наших балках рыщут шайки хищников, от которых не спасут ни твое дальнобойное ружье, ни древний кинжал.

Андрей притворно вздохнул, поправляя подпругу своего кабардинца.

— Моя вина, Амир. Увлекся торгом с твоими людьми и запоздал. Но мне пора собираться в путь. Меня ждут.

Амир горько усмехнулся, и в его голосе проскользнула искренняя, юношеская прямота:

— Кто ждет тебя? Жена, что тебе не люба? Дом, в котором тебе душно? Брось. Адаты святы: мы можем предоставить

тебе безопасный ночлег у нашего очага. Твои лошади и товар будут под надежной охраной, а поутру, как только рассветет, ты со спокойным сердцем отправишься к себе в аул.

Андрей повернулся к Амиру и с вежливым достоинством приложил руку к груди:

— Благодарю за небывалую доброту, друг мой. Твой отец и так оказал мне великую честь, преломив со мной хлеб. Но злоупотреблять вашим гостеприимством я не стану. Пора и честь знать.

При этих словах Амир резко изменился в лице. Юношеская мягкость бесследно исчезла, уступив место отчаянной, напряженной решимости. Он шагнул ближе к Андрею, его глаза лихорадочно блеснули в надвигающейся темноте.

— Ты обещал, — твердо и с надрывом произнес молодой горец. — Там, в кунацкой, ты сказал, что знаешь способ. Ты сулил, что дашь моему народу шанс! Шанс спасти мою сестру Мадину от позора и смерти в доме старого Хас-Булата. Сдержи свое слово, путник! Поведай мне эту тайну сейчас, коль ты так спешишь скрыться во тьме!

Андрей замер, держась рукой за луку седла. Он опустил глаза, делая вид, что глубоко задумался.

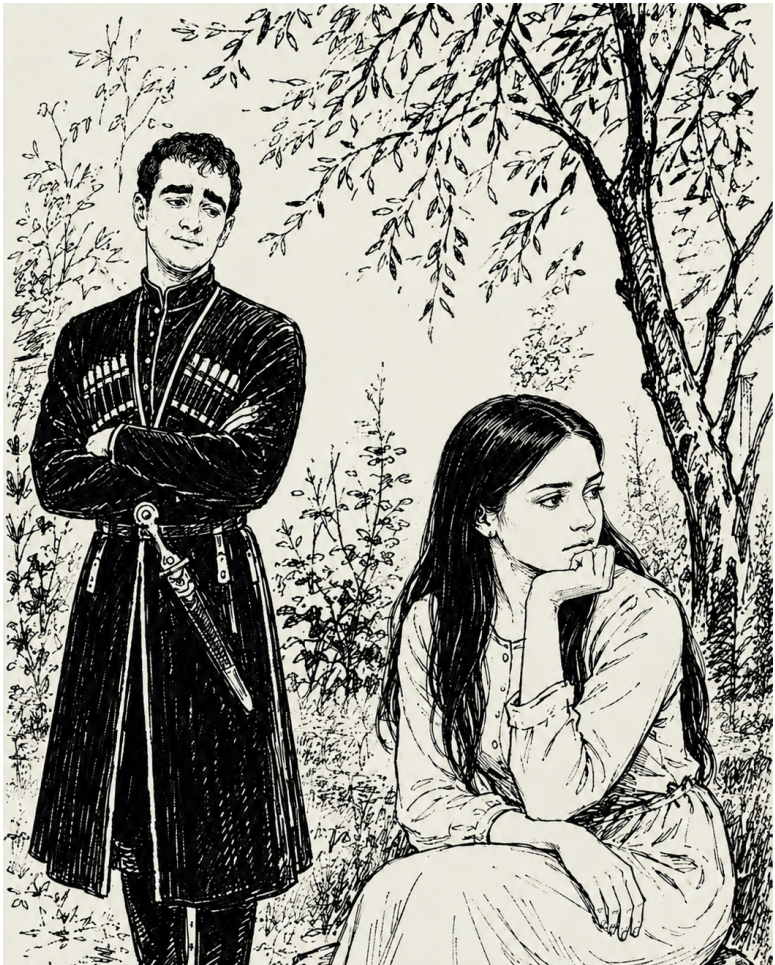
Мысли, слова, действия — для лазутчика всё это должно

было подчиняться исключительно трезвому расчёту, позволявшему видеть выгоду в любых движениях, взглядах и жестах собеседника. Амир был прав: ночная дорога в этих местах и впрямь таила смертельную опасность, и ехать одному сквозь черные заросли было бы глупым риском. Но куда важнее было другое. Перед ним стоял отчаявшийся сын старейшины, готовый на всё ради спасения сестры. Возможность переманить на свою сторону этот истощенный аул была невероятно заманчива. Если люди Шарифа станут тайными союзниками русских и восстанут против Ахмета и Хас-Булата, это посеет спасительную смуту в рядах непокорных абадзехов. Ради такой удачи стоило задержаться.

Андрей медленно поднял взгляд на Амира. Лицо купца смягчилось.

— Ты прав, Амир. Ночная дорога не прощает спешки, — произнес он тихим, вкрадчивым голосом. — А то, что я должен тебе рассказать, не терпит суеты и чужих ушей. Я принимаю твое предложение и останусь на ночь в кунацкой. Ранним утром, перед самым моим отъездом, я расскажу тебе, как спасти Мадину и наказать гордецов.

Глава 2



Кромешная тьма кунацкой казалась осязаемой. Андрей спал чутко, как и подобает лазутчику, привыкшему всякий миг ждать нападения. Пробудился он мгновенно, но не от подозрительного шума, а от легкого, почти невесомого прикосновения. Кто-то осторожно взял его правую ладонь в свою теплую руку. Тонкие девичьи пальцы медленно, пытливо скользнули по загрубевшей коже, задерживаясь на жестких мозолях.

Андрей внутренне содрогнулся, безотчетно напрягшись и изготовившись к броску, но тут же замер, услышав тихий шепот, донесшийся из самого мрака:

— Слишком грубые ладони для богатого торговца… Это руки человека, привыкшего день-деньской держать шашку в бою.

Сердце лазутчика болезненно екнуло. Его искусно выстроенная личина дала трещину там, где он совершенно этого не ожидал. Андрей мягко, но непреклонно высвободил руку.

— Нам не должно оставаться одним, — сухо и строго прошептал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Уходи. Адаты не прощают такого.

Но Мадина, словно не слыша его слов, вновь нащупала во тьме его руку и отчаянно сжала ее тонкими пальцами.

— Пошли со мной, — горячо выдохнула она.

— Нет, — отрезал Андрей.

Девушка порывисто поднялась на ноги. В темноте едва слышно зашуршало платье.

— Тогда я заберу твое ружье, — бросила она вызов и, прежде чем Андрей успел податься вперед, растворилась во тьме гостевой сакли.

Андрей бесшумно вскочил с войлочных кошм, устилавших земляной пол. Ничего не различая в густом мраке, он шагнул туда, где она стояла секунду назад.

— Оставь эти шутки, — зло и сдавленно прошептал он в пустоту. — Кража у гостя — несмываемый позор. Этому ли старейшина Шариф учил свою дочь?

Ответом ему стал лишь легкий скрип деревянной двери. Андрей метнулся к выходу. В образовавшейся щели, на фоне звездного неба, он едва успел заметить край мелькнувшего платья, которое тотчас поглотила тьма двора.

На ходу стряхивая остатки сна, Андрей выскользнул на улицу. Ночная свежесть обожгла лицо, но всё происходящее казалось ему дурным мороком. Он осторожно ступал в мягких сафьяновых чувяках, стараясь не производить ни звука. Девушка юркнула за высокий колючий плетень, направляясь в сторону аульного сада, где во мраке чернели голые ветви деревьев.

Андрей скользнул следом. Густые тени скрывали всё вокруг. Он напряженно вглядывался в черноту кустов, силясь уловить хоть малейшее движение, но Мадина исчезла, точно горский дух.

И вдруг тишину разорвал сухой металлический щелчок. Звук взводимого курка! Его собственной винтовки!

Андрей мгновенно подобрался и бесшумно двинулся на этот зловещий звук. Осторожно отведя сухие ветви, он замер.

На небольшой прогалине, слабо освещенной тусклым светом звезд, сидела Мадина. В ее хрупких руках тяжело покоилось его ружье, ствол которого смотрел в землю. Но больше всего Андрея поразило ее лицо. С него слетела вся та живость и непокорность, которую он приметил вечером; теперь оно было совершенно отрешенным, застывшим и бледным.

Андрей неслышно выступил из-за темных кустов и остановился в двух шагах от девушки.

— Недоброе ты задумала, — произнес он тихим, властным шепотом, чтобы не разбудить аул. — Отдай оружие.

Мадина не вздрогнула. Она медленно подняла на него свой застывший взгляд и покорно, без единого слова, протянула тяжелый ствол. Андрей быстро перехватил ружье, привычным движением мягко спуская курок.

— Нам не должно быть здесь вдвоем, — сухо добавил он, желая поскорее закончить эту опасную сцену. — Адаты строги. Тебе нужно уйти.

Но Мадина, словно совершенно оглохнув, продолжала смотреть в темноту перед собой.

— Ты знаешь Шайтана? — вдруг спросила она глухим, ровным голосом.

Андрей напрягся еще сильнее. Ему было ясно, о ком говорит черкешенка.

Мадина продолжила, и в ее голосе зазвучал тот самый суеверный ужас, который генерал так расчетливо сеял среди непокорных племен:

— Говорят, он живет высоко в крепости, которую венчают отрубленные человечьи головы на кольях… Говорят, ночью он спускается в аулы и предает огню всех: женщин, стариков, детей. Его не берет ни пуля, ни верная шашка. Говорят, он как-то умер, а затем воскрес. Говорят, от него нет спасения, кроме покорности… Как ты считаешь, купец? Что благоразумнее: покориться злу или погибнуть от своей гордости?

Андрей стиснул зубы. Внутри него боролись выучка воина и внезапная, острая жалость к этой хрупкой девушке, стоящей перед выбором между двумя безднами. Он не стал отвечать на ее жуткий вопрос.

— Я не стану говорить с тобой об этом, Мадина, — отрезал он, вновь натягивая на себя купеческую личину. — Я обещал разговор твоему брату, а не тебе.

Он резко развернулся, чтобы уйти, но слова девушки ударили в спину.

— Ты сулил спасти меня.

Андрей на мгновение замер. Бросив взгляд через плечо, глухо отозвался:

— Сулил.

— Зачем же даешь обещания, коли не в силах их испол-

нить? — с горьким вызовом бросила Мадина.

Андрей круто развернулся и в два шага оказался подле нее. Терпение лазутчика лопнуло.

— Ты не знаешь, на что я способен и какие думы таю, — прошипел он, склонившись к девушке. — Не девичье дело — печалиться о народе. Отец не выучил тебя покорности. Нрав у тебя дурной.

Мадина медленно подняла голову. Ее темные глаза блеснули в свете звезд холодным, торжествующим огнем.

— Русский воин способен на многое, в этом я уверена, — произнесла она поразительно спокойно. — А что до моего нрава… Пусть я кажусь дурной и непокорной, но я знаю себе цену. Просто доля моя горька.

Слова ударили Андрея, как обух. «Русский воин». Опытный лазутчик, прошедший суровую школу Линии, замер, осознав, что только что угодил в расставленный девчонкой капкан. Он смягчился, внимательно посмотрев на гордое лицо девицы.

— Откуда ты знаешь, что я от Засса? — спросил он уже без малейшей тени купеческого тона, ровным голосом военного.

Мадина, не глядя на него, пожала плечами:

— Не знала. До той поры, пока ты сам этого не подтвердил.

Андрей прерывисто выдохнул. Его обвели вокруг пальца. Эта юная горянка только что переиграла лазутчика в его же

игре.

— Ты умна, Мадина, — произнес он с невольным уважением. — Но упряма.

— Я лишь хочу спастись от жизни с постылым стариком, — тихо отозвалась девушка, и в ее голосе впервые прозвучала неподдельная, щемящая тоска. — Кому, как не тебе, это знать, Андрей.

Лазутчик горько усмехнулся. За один вечер эти брат с сестрой выпотрошили всю его душу, добравшись до самых глубоких, саднящих ран.

— Всё-то ты ведаешь, Мадина… — медленно проговорил он. — Я понимаю тебя. Я сам сбежал от такой доли. И тебе ее не желаю… Потому и помогу вам. Шайтан не тронет аул, который примет подданство Белому царю. Но вам придется уговорить отца пойти на этот шаг.

Мадина покачала головой, ее лицо снова превратилось в бледную маску.

— Мы пытались. Много раз. Всё впустую. Он не верит русским, и на то есть свои причины. Ты сам понимаешь. Будущее нашего аула — либо под властью Шайтана, либо в союзе с родом Хас-Булата.

Андрей тяжело вздохнул, перекидывая ружье за спину.

— Пытайтесь еще. Нам нужна его воля, воля старейшины, а не упрямой девочки и горячего юноши.

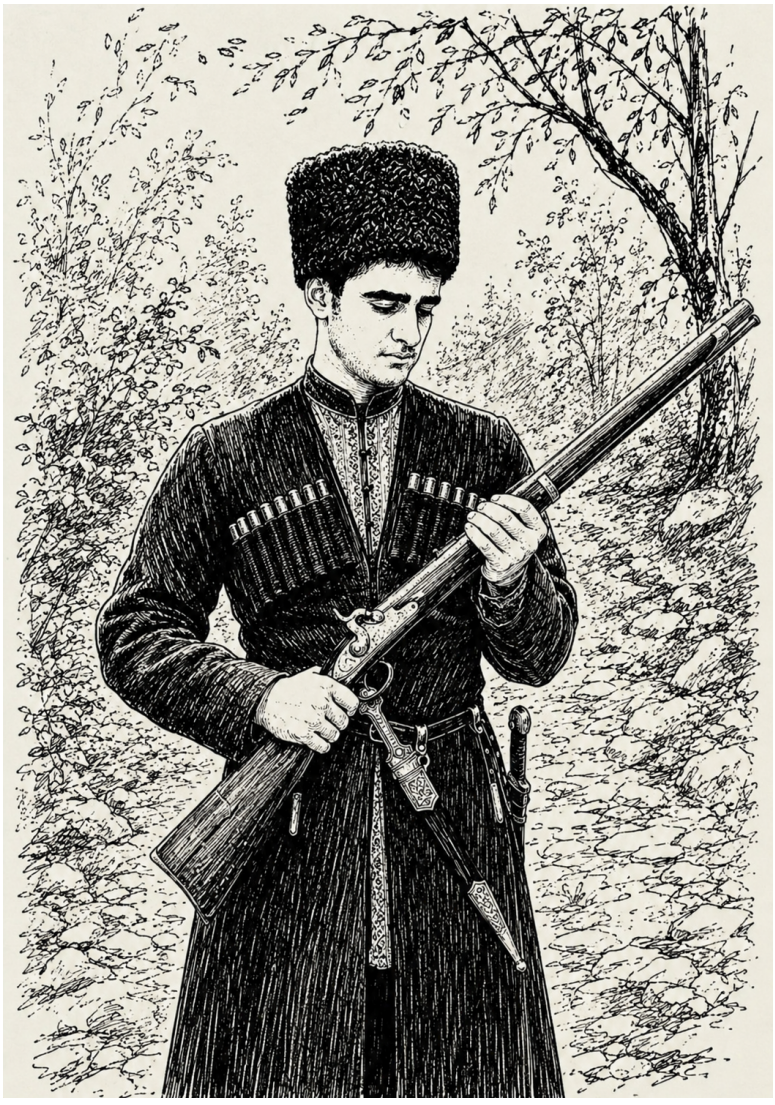
Мадина с тяжелой, вымученной улыбкой поднялась с пня.

— Благодарю тебя, — тихо обронила она. И без лишне-

го подобострастия, не прощаясь, бесшумно растворилась во тьме ночного сада.

Андрей еще некоторое время стоял один, вслушиваясь в шелест сухих ветвей, глубоко задумавшись. Затем медленно повернулся и побрел обратно к кунацкой — дожидаться рассвета. Утром его ждал нелегкий разговор с Амиром.

Глава 3



Короткий остаток ночи пролетел для Андрея как одно скомканное, тревожное мгновение. Он проснулся, когда за плетневыми стенами кунацкой еще только начала брезжить серая утренняя заря. Острый холодок пробирался сквозь щели, принося с собой сырой дух реки и прелой листвы пойменного леса. Лазутчик мгновенно сбросил с себя остатки тяжелого сна. В голове сразу же всплыли события минувшей ночи: отчаянный поступок Мадины, блеск стального ствола в ее руках и то поразительное самообладание, с которым юная девушка разрушила его безупречную личину.

Андрей быстро и бесшумно собрался. Привычным движением проверил заряд в винтовке, затянул наборный пояс, ощутив успокаивающую тяжесть кинжала и шашки. Пора было уходить. Каждое мгновение, проведенное здесь после ночного разговора, таило в себе новую опасность, но теперь у него была ясная цель.

Когда он вышел из полумрака гостевой сакли на свежий утренний воздух, двор уже ожил. У коновязи тихо всхрапывал его темно-гнедой кабардинец, а рядом переступали с ноги на ногу вьючные лошади, уже оседланные и готовые к долгому переходу. У коней его ждали старейшина Шариф и Амир.

Лицо старого черкеса в бледном свете утра казалось еще более суровым и изрезанным морщинами, но в глазах светилось искреннее уважение к гостю, щедрость которого вчера

поразила весь аул.

— Я понимаю твою спешку, Андрей, — негромко произнес Шариф, когда купец приблизился. — Ты богатый человек, ты торопишься к своей семье, к своему очагу, и задерживать тебя я не стану. Дорога по равнине не любит промедления.

С этими словами старейшина протянул Андрею плотно увязанный сверток — дорожную снедь: свежий чурек, копченый сыр и куски вяленого мяса. Это был знак высшего гостеприимства и заботы о путнике. Андрей с благодарным поклоном принял дар и перевел внимательный, испытующий взгляд на Амира.

Он ожидал увидеть в глазах юноши вчерашнюю лихорадочную надежду и немой вопрос. Ведь он сулил именно этим утром, перед самым отъездом, раскрыть ему тайну спасения. Разум лазутчика уже выстраивал фразы, которыми он собирался осторожно, шаг за шагом, склонять сына старейшины к союзу с русскими властями.

Но Амир смотрел на него совершенно иначе. Взгляд молодого горца был спокоен, ясен и неожиданно глубок. На его губах играла легкая, понимающая усмешка.

— Ступай, купец, — произнес Амир ровным голосом, глядя прямо в глаза Андрею. — Не стоит на прощание пустых слов. Будь уверен, нового ты мне ничего не откроешь.

Шариф тяжело нахмурился. Снисходительный и, как ему показалось, дерзкий тон сына по отношению к уважаемому

гостю возмутил старого тлекотлеша.

— Прекрати пустое бахвальство, сын! — сурово одернул его старейшина, с силой ударив посохом о мерзлую землю. — Оно здесь совершенно не к месту. Гость оказал нам великую честь, а ты говоришь с ним загадками.

Андрей, желая сгладить резкость старейшины и одновременно дать Амиру понять, что уговор остается в силе, шагнул к юноше и открыл было рот:

— Амир, послушай, то, о чем мы…

Но молодой горец не дал ему договорить. Он плавно, но решительно перебил Андрея:

— Мы будем рады вновь тебя увидеть, купец. Доброй тебе дороги. Мы будем ждать тебя.

Шариф, смягчившись от учтивых последних слов сына, степенно кивнул седой головой.

— Ступай же с миром, — произнес старейшина традиционное напутствие. — Пусть дорога стелется под копыта твоего коня гладко, а глаза хищников ослепнут при твоем приближении.

Андрей еще раз приложил руку к груди, прощаясь с хозяевами, и вставил ногу в стремя. Он ловко забросил крепкое тело на спину кабардинца. Оказавшись в седле, юноша привычным, выверенным движением поправил съехавшую набок тяжелую шашку, чтобы рукоять всегда была под рукой, и надвинул поглубже мохнатую папаху, спасаясь от пронизывающего утреннего ветра.

Бросив на Амира и Шарифа последний прощальный жест — короткий взмах рукой, Андрей выслал коня. Темно-гнедой жеребец фыркнул, выпустив облачко белого пара, и легко взял с места, увлекая за собой навьюченных лошадей. Андрей выезжал со двора, направляясь к окраине аула, навстречу бескрайней, стелющейся в утреннем тумане лесостепи, оставляя позади селение, судьба которого теперь была неразрывно связана с его собственной.

Андрей ехал шагом, погруженный в тяжелые размышления. Уверенность, с которой Амир с ним распрощался, теперь казалась двоякой и тревожной. Говорил ли юноша с Мадиной этой ночью? Успела ли она раскрыть брату, что под личиной купца скрывается русский лазутчик? Или же это была лишь гордость самого Амира, не пожелавшего слушать пустые, как ему казалось, напутствия торговца? Эта неизвестность точила разум не хуже червя.

Утренний холод пробирал до костей, выдувая остатки тепла из-под черкески. Осень в предгорьях уже вступала в свои права: желтые и багровые листья медленно, словно нехотя, отрывались от ветвей и кружились в сыром воздухе. Андрей зябко потирал замерзшие плечи. Узкая тропа, по которой он ехал, жалась к краю крутого земляного обрыва. Склон был густо завален пожелтевшей листвой, под которой скрывалось неровное каменистое русло глубокого высохшего ручья.

Вдруг тишину разорвал резкий звук. Впереди, из-за поворота заросшей тропы, донесся стремительный топот конских

копыт и громкая, отрывистая ругань на черкесском.

Разум Андрея сработал молниеносно. Хищники! Раннее утро, несутся со стороны лесостепи прямо к аулу Шарифа. Богатого одинокого путника с тяжело навьюченными лошадьми они воспримут лишь как дар небес — ограбят и убьют на месте.

Сердце болезненно сжалось, перехватив дыхание. Андрей моментально спешился, оттеснив своего коня к стволам деревьев, и сорвал с плеча винтовку. Он вскинул тяжелый ствол, готовясь принять бой. В этот момент из-за кустов терновника на тропу вылетели пятеро всадников. Увидев их, Андрей безотчетно спустил курок.

Грянул выстрел. Но руки молодого лазутчика, скованные не столько утренней стужей, сколько внезапным оцепенением и страхом, предательски дрогнули. В этот краткий миг он даже не целился толком. Пуля с визгом ушла в густую листву над их головами.

Черкесы мгновенно заметили одинокую фигуру у обрыва. Они резко осадили коней и, даже не спешиваясь, с потрясающей ловкостью сорвали с плеч собственные ружья. В следующую секунду пять черных дул смотрели прямо в грудь Андрею.

Всё кончено. Андрей с кристальной ясностью осознал, что сейчас умрет. У него не было и лишнего мгновения, чтобы отсыпать порох и вбить новую пулю в ствол. Но страх смерти вдруг сменился в его груди дикой, отчаянной решимостью

обреченного. Мысль обожгла мозг: «Раз убьют, пусть им хотя бы не достанется мое дорогое оружие!»

С глухим рыком он с силой швырнул свою великолепную винтовку вниз с крутого обрыва. Оружие беззвучно кануло в утреннем тумане, исчезнув в глубоком провале, словно его и не было. В ту же секунду Андрей резко выхватил из ножен шашку. Сжав рукоять, он выпрямился, готовый принять неравную рукопашную схватку.

Увидев это, черкесы спешились. Осторожно ступая по шуршащей листве, они полукругом двинулись к нему, продолжая держать ощетинившегося сталью юношу на мушке.

— Зачем одинокий путник стреляет в нас? — громко и властно спросил старший из горцев, приближаясь.

Андрей молчал, тяжело дыша и не опуская клинка, ожидая первого удара. Но когда черкесы подошли на расстояние десяти шагов, они вдруг замерли. Ветер откинул башлык старшего, и стволы их ружей медленно опустились к земле.

— Постой… — с удивлением произнес один из них, вглядываясь в лицо юноши. — Разве это не тот самый купец, что вчера продавал товар у нас в ауле?

— Клянусь Аллахом, это он! — воскликнул другой. — Я сам отдал ему две лисьи шкуры за красный кумач.

Наваждение спало. Андрей моргнул и всмотрелся в их лица. Это были не хищники, а люди старейшины Шарифа. Кровь отхлынула от его щек. Тяжело, прерывисто выдохнув, Андрей опустил руку и с сухим щелчком вогнал шашку об-

ратно в ножны. Его бросило в жар от осознания того, что он едва не стал жертвой собственной паники.

Старший черкес подошел ближе и с уважением посмотрел на молодого купца.

— А ты горяч, армянин! Подумал, что мы разбойники? Выбросил ружье с обрыва, чтобы нам не досталось, и остался с одной сталью против пятерых! В тебе бьется сердце настоящего джигита, мало кто встретит смерть с таким мужеством.

— Что вы делаете здесь в такую рань? — всё ещё глухим от волнения голосом спросил Андрей.

Лицо старшего горца помрачнело.

— Этой ночью хищники прокрались к нашим дальним пастбищам и угнали скот, — с горечью ответил он. — Мы бросились за ними в погоню по сакме. Долго шли по следам, гнали коней, да всё без толку — они успели уйти слишком далеко. Возвращаемся в аул ни с чем.

Черкес тяжело вздохнул и хлопнул Андрея по плечу.

— Мы хвалим твою отвагу, купец. Но впредь будь осмотрительнее. Глаз должен узнать цель прежде, чем ружьё изрыгнет огонь, иначе убьешь кунака. Прощай!

С этими словами горцы легко вскочили в седла. Кивнув Андрею, они тронули лошадей и вскоре скрылись за деревьями, оставив молодого лазутчика приходить в себя на краю обрыва.

Андрей долго смотрел в ту сторону, где за перелесками исчезли черкесы. Смертельное напряжение, еще минуту на-

зад сковывавшее каждую мышцу тела, наконец отпустило. Он тяжело сглотнул вязкую слюну и, покачав головой, с облегченной, чуть нервной усмешкой выдохнул.

«Джигит… — мысленно повторил он прощальные слова горца. — Чуть не наделал беды от страха».

Но тут его взгляд упал на пустые руки, и Андрей мгновенно вспомнил о своем оружии — великолепном дальнобойном ружье, с которым он так безрассудно расстался в минуту отчаяния.

Юноша поспешно подошел к самому краю земляного обрыва и заглянул вниз. Винтовка не улетела на самое дно заросшей балки. Он чудом задержался на полпути: ремень намертво зацепился за корявую ветку сухого дерева, росшего прямо из крутого склона.

Андрей начал аккуратно спускаться. Утренняя сырость сделала свое дело: легкие кавказские чувяки, которые обычно так надежно держали ногу на камнях, теперь предательски скользили по толстому слою прелой листвы и размокшей земле. Добравшись до опасного отвесного участка, лазутчик крепко ухватился левой рукой за ствол молодого деревца, чтобы удержаться. Правой рукой он снял шашку, не вынимая ее из ножен, и потянулся вниз, стараясь аккуратно поддеть ремень концом ножен.

На мгновение показалось, что удача на его стороне: ножны надежно зацепили ремень. Андрей плавно потянул оружие на себя. Но сухая ветка не выдержала тяжести. Она с

треском надломилась, ремень соскользнул, и винтовка полетела в самый низ, с громким, болезненным стуком ударившись о камни на дне.

От этого звонкого звука Андрей мучительно поморщился, словно удар пришелся по нему самому. Делать было нечего — придется спускаться еще ниже.

Он разжал пальцы, отпуская ствол тонкого деревца, чтобы перехватиться за соседний корень, но в этот момент влажная земля под ногами внезапно просела. Потеряв опору, Андрей рухнул на бок и стремительно покатился вниз. Он летел, скользя по мокрой осенней листве и крутому склону, тщетно пытаясь затормозить. В самом конце, где склон обрывался последним отвесным уступом, строгая выучка взяла свое: юноша изловчился в воздухе и ловко, по-кошачьи, приземлился на обе ноги прямо на дно пересохшего русла.

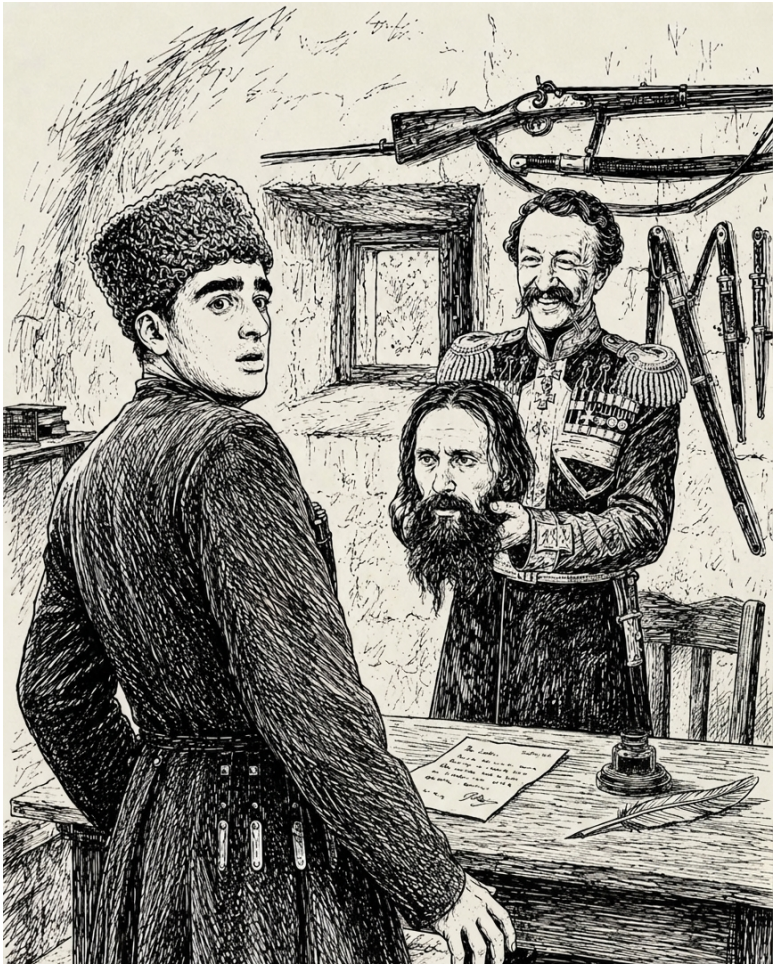
Среди голышей лежало его ружье. Он поспешно поднял его, с тревогой осматривая. Тяжелый ствол и замок, к счастью, не пострадали, но на дорогой деревянной ложе виднелась неприятная, глубокая трещина. Андрей с досадой прикусил губу и медленно провел пальцем по шершавому расколу. Этот уродливый шрам на прекрасном оружии останется ему долгим и немым укором за минутную панику.

С тяжелым вздохом он закинул пострадавшую винтовку за спину и начал трудный подъем наверх. Цепляясь за обнаженные корни и с силой втыкая носки чувяков в рыхлую землю, он вскоре выбрался на край обрыва. Оказавшись на тро-

пе, Андрей тщательно отряхнул черкеску от налипшей грязи и листьев, стараясь вернуть себе приличный вид богатого торговца.

Привычным движением он поправил съехавшую набок шашку и надвинул поглубже мохнатую баранью папаху. Пора было двигаться дальше. Подойдя к лошадям, укрытым за кустами терновника, он успокоил нервно переступавшего коня. Лазутчик плавно вскочил в маленькое черкесское седло, и взяв поводья вьючных лошадей, направился по наезженной дороге навстречу своей главной цели — в крепость Прочный Окоп, к генералу Зассу. Осенний ветер вновь ударил в лицо, унося прочь остатки утреннего наваждения.

Глава 4



Солнце уже скрылось за горизонтом, когда уставший, измотанный долгой дорогой и перепачканный землей после падения в овраг Андрей подъехал к воротам крепости Прочный Окоп. В густеющих сумерках зловеще вырисовывался знаменитый искусственный курган, возведенный перед укреплениями. На высоких пиках, вколоченных в землю, торчали отрубленные головы непокорных черкесов. Ветер жутко шевелил их слипшиеся волосы и бороды, развевая их в воздухе. В груди молодого лазутчика сцепились смешанные чувства: человеческое отвращение к этой жестокости отчаянно боролось с пониманием того, что именно этот метод «страха и грозы» держит в оцепенении весь непокорный край. Судорожно сглотнув, Андрей усилием воли прогнал тяжелые мысли и, миновав часовых, въехал внутрь крепости.

Оставив лошадей у коновязи, он направился к штабу. Внутри царил суровый армейский порядок, смешанный с какой-то гнетущей, тяжелой атмосферой. Тускло чадили масляные лампы в длинном коридоре, ведущем к кабинету начальника Кубанской линии.

Вдруг массивная дубовая дверь распахнулась, и навстречу Андрею вышел Давид — крупный, курчавый черкесо-гай, служивший, как и он, проводником и лазутчиком. Столкнувшись с Андреем, здоровяк сходу, без всякого приветствия, хрипло бросил:

— Брат, у тебя нет пары целковых? Я тебе позже непре-

менно отдам.

Андрей, у которого от усталости и боли в ссадинах гудела каждая мышца, тяжело нахмурился.

— Господи, Давид, я тебе прошлый долг простил по твоей же просьбе, и сейчас ты просишь еще?

Лицо Давида нервно дернулось. Он побагровел и, вместо ответа, раздраженно и с силой толкнул Андрея плечом, едва не сбив того с ног, после чего грузно зашагал прочь по коридору.

— Червь... — зло прошипел ему вслед Андрей, одергивая помятую черкеску.

Сделав глубокий вдох, юноша подошел к двери генерала и дважды постучал. Ответа не последовало. Подождав немного, Андрей осторожно приоткрыл тяжелую створку и заглянул внутрь.

Генерал сидел за широким столом и, низко склонившись над бумагами, что-то быстро и увлеченно писал. Его просторный кабинет производил пугающее впечатление и больше походил на логово чернокнижника, чем на штаб-квартиру. По углам громоздились странные физические приборы, кривые зеркала, «волшебные фонари» и гальванические машины, с помощью которых генерал любил наводить мистический ужас на суеверных горцев. В воздухе неистребимо висел тяжелый, тошнотворный дух разложения, смешанный с крепким табаком. Сам Григорий Христофорович — рослый, сухощавый человек с пронзительными, как лед, светло-го-

лубыми глазами и огромными висячими усами — казался здесь злым духом во плоти.

— Дозволите войти? — негромко спросил Андрей, переступая порог.

Засс, даже не отрывая взгляда от своего письма, глухо бросил:

— Уже вошёл.

Андрей вытянулся, стараясь придать голосу твердость:

— Ваше превосходительство, у меня есть важные сведения об ауле, в который вы изволили меня послать.

Перо генерала продолжало скрести по бумаге.

— Ага.

Повисла пауза. Андрей, уязвленный таким приемом после всего пережитого, не выдержал:

— Ваше превосходительство, вы меня слушаете?

Засс наконец оторвался от письма. На его лице медленно расплылась холодная, язвительная усмешка. Ни слова не говоря, генерал полез под стол. Оттуда раздался недолгий шум, скрип откидываемой крышки сундука, и в следующую секунду Засс вытащил на свет свежую, перепачканную запекшейся кровью отрубленную голову черкеса.

— О, Господи... — невольно вырвалось у Андрея. Отшатнувшись, он побледнел.

Засс невозмутимо встал из-за стола, взял страшный трофей обеими руками и с веселым криком: «Лови!» — кинул его прямо в подчиненного.

Оцепеневший от отвращения лазутчик даже не поднял рук. Он отскочил в сторону, не поймав страшный снаряд, и голова с глухим стуком упала на деревянные половицы, покатившись к самым ногам Андрея.

— Ты чего ж не поймал? — с притворной обидой спросил Засс, усаживаясь обратно. — Ладно. Иди свари ее, вычисти кость и принеси мне голый череп. Тогда я тебя и выслушаю.

Раздосадованный, сбитый с толку Андрей стоял над покатившейся головой, не зная, что ответить, и только молча смотрел на своего безумного командира.

Засс внимательно, с ног до головы оглядел юношу и прищурился.

— Ну что ты как щенок осиротевший на меня смотришь? И что с тобой, отчего ты такой грязный? На тебя напали?

Андрей открыл было рот, чтобы объяснить свое падение в овраг, но генерал тут же выставил ладонь вперед, прерывая его.

— Не-не-не, — отчеканил Засс ледяным тоном. — Сперва голова черкеса, потом язык Андрея. Смотри не перепутай, что варить, а чем молоть.

С этими словами генерал спокойно придвинул к себе лист бумаги, обмакнул перо в чернильницу и продолжил писать, словно в кабинете никого не было.

Раздосадованный до предела, сгорая от жгучего унижения, Андрей брезгливо наклонился и с содроганием подхватил за жесткие черные волосы ледяную голову горца. Стара-

ясь не смотреть в ее остекленевшие глаза, он выскользнул за дверь.

Юноша понес свой страшный груз на задний двор штаба, скрытый от лишних глаз высоким частоколом. Там, в дальнем углу у хозяйственных построек, была обустроена специальная летняя кухня, где обычно кипела мрачная работа денщиков генерала: стояли закопченные чугунные котлы, в которых вываривались черепа для германских профессоров. Под одним из пустых казанов как раз тлели угли. Андрей подбросил дров, налил из бочки воды и, дождавшись, пока она закипит, с брезгливым всплеском опустил туда голову. Усевшись на перевернутое ведро неподалеку, он прислонил рядом свою треснувшую винтовку и, обхватив голову руками, стал мрачно смотреть на разгорающееся пламя, вдыхая тошнотворный пар и дожидаясь, пока исполнит безумный приказ командира.

Спустя время вода забурлила, и густой, тяжелый пар поднялся над котлом. Андрей, пересиливая себя, подошел и заглянул внутрь. В ту же секунду нестерпимый, омерзительный запах разложения и вареной мертвой плоти мертвой хваткой впился в его ноздри. Желудок юноши предательски сжался, к горлу подкатил горячий, удушливый ком тошноты. Отшатнувшись от зловонного варева, Андрей едва успел сделать несколько неверных шагов в сторону. Ему стало дурно. Ноги подкосились, и он в изнеможении опустился прямо на сырую землю у поленницы. Закрыв побледневшее ли-

цо дрожащими руками, молодой лазутчик, еще вчера гордо сжимавший шашку, не выдержал пережитого за эти сутки напряжения и начал беззвучно, судорожно всхлипывать. Эта слабость длилась недолго — крайняя физическая и моральная усталость взяла свое, и он провалился в тяжелый, болезненный сон.

Ему снились дурные, липкие кошмары, лишенные всякого смысла и напоминавшие воспаленный бред. Ему снилось, как он стоит в густом тумане, а его ружье стреляет раз за разом без всякой перезарядки, выплевывая свинец в надвигающиеся тени. Затем видения сменились: какая-то пустая карета сама, без лошадей и кучера, неслась по извилистым горным тропам, а в мрачном кабинете гусиное перо, скрипя, само писало письмо под чью-то невидимую диктовку.

Но постепенно этот горячечный хаос рассеялся, уступив место покою. Последнее, что ему снилось, было удивительно светлым: он лежал на залитой солнцем зеленой поляне у самого берега быстрой Кубани и безмятежно жевал травинку. А рядом с ним сидела Мадина. Ее прекрасные черные волосы густой, мягкой волной спадали с плеч, блестя на солнце. Она склонилась к нему и ласково, почти нараспев произнесла:

— Солнышко, вставай... Солнышко... Вставай.

Андрей с легкой улыбкой открыл глаза.

Наваждение рухнуло. Перед ним сидела вовсе не прекрасная черкешенка. Прямо над бедным лазутчиком, склонив-

шись, сидел усатый генерал, и на его лице играла ласковая, но пронизанная издевательской теплотой улыбка.

От неожиданности и испуга Андрей резко рванулся вверх. Но затекшие в неудобной позе ноги отказались повиноваться. Сделав пару неуклюжих, пьяных шагов, юноша споткнулся и с грохотом рухнул прямо на котел, опрокинув варево. Горячая вода с шипением плеснула на угли, подняв облако зловонного пара. Собрав в кулак всю свою волю и остатки сил, Андрей попытался резко встать во второй раз. Движение вышло неуклюжим, но ему чудом удалось удержать равновесие и вытянуться во фрунт.

Он бросил затравленный взгляд на генерала. Засс невозмутимо сидел на широком дубовом пне. В его руках, поражая своей ослепительной белизной, лежал чистый, вываренный человеческий череп.

— Отличная работа, Гаврилов! — весело и громко похвалил Засс, любовно поглаживая кость. — Ни единой царапины!

Андрей замер, лихорадочно моргая. Он совершенно не помнил, чтобы счищал с этой кости плоть. Разум отчаянно пытался зацепиться за реальность.

— Но я не... — растерянно начал было он, но вовремя осекся. Взгляд голубых глаз генерала не сулил ничего хорошего за пререкания. Андрей мгновенно передумал и, выпрямившись еще сильнее, твердо отрапортовал:

— В точности, ваше превосходительство!

— Отлично, — кивнул Засс, откладывая страшный трофей в сторону. — Черепа чистить ты умеешь, теперь надобно научиться добывать сырье. Скажи-ка мне, Гаврилов, ты уже убивал?

Холодок пробежал по спине Андрея.

— Никак нет, ваше превосходительство, такого случая еще не представилось.

Генерал прищурился, внимательно изучая стоящего перед ним юношу.

— А бился? Ранил кого?

— До того как поступил на службу, приходилось отбиваться, — начал Андрей, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мне тогда шестнадцать было, мы ехали с обозом. Всю кровавую работу сделали старшие, но я смог полоснуть шашкой одного хищника. А на Линии два раза приходилось вступать в прямой бой. В первый раз на нас напали, во второй — мы. Когда напали на нас, я выстрелил из ружья, но дал промах. Однако в ближнем бою успел достать клинком по кисти врага. Они тогда отошли. Во второй раз, когда нападали мы, я выстрелил в спину убегающему. Он пал, но окончательно умертвил его мой товарищ.

Засс удовлетворенно хмыкнул.

— Добро. Значит, кровь видел, сталь в руках держать горазд. В следующий раз пойдешь с нами, устроим налет на один непокорный аул. Будем резать всех, пока они от сна не отошли. Пора тебе настоящим делом заняться.

При этих словах перед внутренним взором Андрея живо встала семья старейшины Шарифа. Суровый старик, горячий Амир и хрупкая Мадина, которую он обещал спасти. Если Засс направит свой удар туда, никого из них не останется в живых. Юноша невольно отвел взгляд от генерала, глубоко погружаясь в мрачные мысли, силясь найти выход из того капкана, в который сам же и завел этих людей.

Но тишину двора внезапно прервал громкий, сочный хруст.

Андрей вздрогнул и обернулся. Засс уже где-то достал большое красное яблоко и теперь с аппетитом, громко им хрустел. Проглотив кусок, генерал вытер усы и заговорил совершенно иным, философски-спокойным тоном:

— Мы не злодеи, Андрей. Пойми это. Либо мы их, либо они нас. Если они уверуют, что мы обычные люди, проявляющие к ним какое-то там излишнее человеколюбие, они тотчас придут к выводу, что неверные слабы, и нас надобно вырезать и ограбить. В этой войне нет места сантиментам. Если мне придется выбирать между беременной горской женщиной и русским воином, я, не раздумывая, выберу русского воина.

От этих слов, сказанных с пугающей простотой, Андрей поник еще больше. Жестокая логика кордонной войны, которую исповедовал генерал, не оставляла места для чести и сострадания, в которые верил юноша.

Засс, откусив еще кусок яблока, проницательно заметил

смятение на лице лазутчика. Он выставил огрызок вперед, указывая им прямо в грудь Андрея, и с нажимом повторил:

— Андрей, я выбрал тебя. Слышишь?

Юноша поднял взгляд на своего страшного командира. Внутри него боролись остатки гордости черкесо-гая и долг присяги.

— Григорий Христофорович... — тихо, но с достоинством ответил Андрей. — Ваши люди часто говорят про меня, что я недостаточно русский, но при этом уже и не армянин. Мне весьма лестно, что вы назвали меня русским воином.

Засс отбросил огрызок, подошел вплотную к Андрею и тяжело, по-отечески опустил сильную руку ему на плечо. Светло-голубые глаза генерала сверлили юношу насквозь.

— Я сам по крови немец. Но русский воин — он и есть русский воин, какая бы кровь в нем ни текла. Мы несем цивилизацию дикарям, мы укрощаем гордых, мы защищаем слабых. И для этого нужны такие, как ты. Ты — русский воин, Гаврилов. И ты делаешь великое дело.

Генерал похлопал его по плечу, затем резко убрал руку, отступил в сторону и, повернувшись к Андрею спиной, бросил деловым, ледяным тоном, словно не было только что ни яблок, ни долгих бесед:

— А теперь к делу. Так что ты вчера мне хотел поведать, лазутчик? Докладывай.

При этих словах генерала Андрей невольно, с какой-то внутренней гордостью выпрямился. Он был бледен, измотан,

его черкеска была измазана грязью после падения, но сейчас, охваченный служебным рвением, юноша совершенно не замечал этого. Наконец-то командующий отбросил свои чудовищные шутки и был готов выслушать, какую опасную работу проделал его подчиненный.

— Я прибыл в аул Шарифа поутру, ваше превосходительство, — четко, по-военному начал Андрей. — Селение с виду крайне бедно, истощено. Люди там потрепаны нуждой, несмотря на то, что нога нашего солдата к ним еще не ступала. Они смертельно боятся русских, но страх этот держится лишь на слухах.

Засс, не отрывая от него проницательного взгляда, медленно закрутил длинный светлый ус.

— Это добро, — негромко обронил он. Держать горцев в постоянном ужасе было основой всей его кавказской стратегии.

— Меня встретили так, как и подобает встречать добропорядочного черкесо-гая, — продолжал юноша. — Накормили, дали кров, отдых...

— Ближе к делу, Гаврилов, — сухо перебил его генерал, поморщившись. Ему нужны были сведения, а не лирика.

— Виноват, ваше превосходительство. Я завел разговор с сыном главы аула, его зовут Амир. Юноша проговорился, что все молодые мужчины там грезят лишь одним — отомстить абадзехам. Те вконец разорили их аул своими набегами, угнали скот, табуны лошадей. Им отчаянно нужна за-

щита.

Генерал чуть склонил голову набок, и в его холодных глазах блеснул живой тактический интерес:

— Любопытно... И кто же, по их разумению, может её предоставить?

— После торга на площади мы отложили этот разговор с Амиром до утра, — голос Андрея стал чуть тише. — Однако ночью меня разбудила Мадина, дочь Шарифа и сестра Амира. Она забрала мое ружье и повела за собой в сад...

Засс вдруг коротко, цинично хохотнул, снова прервав доклад:

— А потом вы с ней спали? Я прав?

Лицо Андрея вспыхнуло под слоем дорожной пыли.

— Ни в коем разе, ваше превосходительство! — горячо возразил он.

— А хотел бы? — с издевательским прищуром тут же парировал Засс.

Андрей на мгновение замялся, сбитый с толку этим грубым напором, но быстро взял себя в руки:

— Я женат! Позор мне, венчанному христианину, если бы я на службе помыслил о таком.

Засс впился тяжелым, немигающим взглядом прямо в глаза юноши.

— Брось, Гаврилов. Твоя жена — уродина. Ты сам мне об этом сказал полгода назад, когда просился ко мне в лазутчики. Один её вид тебя так бесил, что ты готов был бежать от

неё хоть под пули.

Андрей стиснул зубы. Удар был точным и крайне болезненным.

— Григорий Христофорович, — процедил он, стараясь сдержать гнев. — Не сочтите за дерзость, но слова, произнесенные мною в тот день, были... иными.

— Слова другие, а суть та же, — жестко отрезал Засс. — Не обманывай ни меня, ни себя, Андрей. Я тебя не обвиняю, а предупреждаю: связь с горянкой еще никогда и никого из наших не доводила до добра. Не губи ни её, ни себя. Дай слово, что это имя я слышу из твоих уст в последний раз.

Андрей, чувствуя, как внутри всё сжимается от этой ледяной генеральской правды, глухо ответил:

— Даю слово.

Засс, удовлетворенный ответом, снова присел на свой широкий пень и властно махнул рукой:

— Заканчивай доклад.

— Она рассказала, что ее насильно выдают замуж за Хас-Булата, знатного старика из абадзехов, который состоит в кровном союзе с Ахметом, — быстро продолжил Андрей. — Этот брак — отчаянная попытка наладить отношения с их же врагами, и навязан он старейшинами. Старики не приемлют русских. Но молодая кровь, такие как Амир, готовы биться с абадзехами насмерть. Они готовы присягнуть Белому царю, если мы дадим им защиту. Напоследок я велел Мадине самой попытаться переубедить отца. А наутро я уехал.

— А Амир? — нахмурился Засс. — Вы с ним так и не поговорили утром?

— Они поспешили проводить меня, — ответил Андрей. — Я хотел завести разговор, но... меня слишком быстро отправили в путь.

Засс задумчиво уставился в землю. Он поднес сжатый кулак к лицу, словно взвешивая услышанное.

— Странно это... — медленно протянул он. — Тебя точно не раскрыли? Есть подозрения?

— Никак нет, — твердо ответил Андрей, умалчивая о стычке с Мадиной и странном поведении Амира. — Мой вымысел про богатого армянского купца слишком хорош и надежен.

— Добро, — Засс резко поднялся с пня, принимая решение. — Через неделю отправляйся туда же с новым товаром. Возвращайся с новыми вестями для нас. Расспрашивай Амира, присядь на уши старому Шарифу, если потребуется. И помни: с девчонкой больше не говори. Всё ясно?

Андрей вытянулся в струну, чувствуя, как кровь быстрее бежит по венам от предвкушения.

— Точно так, ваше превосходительство! Приказ будет исполнен!

Засс скупо кивнул и, не оборачиваясь, зашагал прочь, скрываясь за бревенчатыми постройками штаба.

Оставшись один, Андрей медленно выдохнул. На его бледном лице расплылась широкая, искренняя улыбка. Вот

оно! Настоящее, живое дело. Сложное, опасное и невероятно важное для всей Линии. Он смог, он доказал генералу свою полезность!

Юноша радостно обернулся. Его взгляд скользнул по потухшим углям, по перевернутой лохани и внезапно остановился на ослепительно белой кости, лежащей в стороне. Улыбка медленно сползла с его губ, уступив место тревожному недоумению.

«Всё-таки... — мелькнула в голове мысль, от которой стало не по себе. — Кто же добела выварил этот череп, покуда я спал?»

Глава 5

Неделя, отпущенная генералом фон Зассом, пролетела как один напряженный, лихорадочный миг. За это время Андрей успел не только оправиться от недавних тягот, но и внутренне переродиться. Иллюзии рухнули в тот самый час, когда командующий с пугающей простотой растолковал ему безжалостные законы этой войны. Теперь молодой лазутчик возвращался в аул не просто как наблюдатель, а как вершитель судеб, несущий в уме хитроумный и смертоносный план.

Утро выдалось холодным, промозглым и серым. Густой туман еще клубился над землей, когда Андрей, полностью собранный и сосредоточенный, вышел на внутренний двор крепости. Он уверенно подошел к своему темно-гнедому кабардинцу. Ловкими, привычными движениями лазутчик затянул подпругу на маленьком черкесском седле. Следом тщательно проверил переметные сумы на двух вьючных лошадях — они были туго набиты свежим товаром, призванным вновь распахнуть для него двери аула: драгоценной белой солью, крепким железом, медной утварью и пестрой мануфактурой.

Закончив с поклажей, Андрей вооружился. На наборном поясе привычной, успокаивающей тяжестью легли шашка и широкий кинжал в богатой серебряной оправе. За спину он закинул свою дальнобойную винтовку, заботливо укрытый от утренней сырости в бурочный чехол. Трещина на его де-

ревянной ложе — молчаливый свидетель недавней оплошности — теперь лишь прибавляла ему хладнокровия. Ноги в мягких сафьяновых чувяках легко скользнули в стремена. Андрей вскочил в седло, натянул поглубже мохнатую папаху и выслал коня.

Миновав часовых у тяжелых ворот Прочного Окопа, он выехал наружу. Крепость стояла на высоком, крутом уступе правого берега, отвесно обрывавшемся к реке. Внизу зловеще бурлила и пенилась быстрая, мутная Кубань, неся холодные воды сквозь утренний сумрак. Андрей начал осторожный спуск по извилистой дороге, ведущей к переправе. Ветер трепал полы его суконной черкески, неся с собой горьковатый дух полыни и речной тины.

Спустившись к самой воде, всадник направил лошадей на длинный деревянный мост, связывавший надежный русский берег с опасным и непредсказуемым Закубаньем. Глухой, мерный перестук копыт по мокрым доскам гулом разносился над рекой, словно отсчитывая последние мгновения спокойной жизни.

Как только копыта кабардинца ступили на левый берег, Андрей почувствовал, как неуловимо изменился сам воздух. Впереди расстилалась бескрайняя закубанская лесостепь, густо изрезанная глубокими балками и оврагами, которые десятилетиями служили непокорным горцам идеальным укрытием для засад и стремительных набегов.

Дорога нырнула под мрачные, смыкающиеся над головой

своды густого пойменного леса. Здесь царил сырой полумрак. Тропа петляла среди вековых деревьев, продираясь сквозь колючие, непролазные заросли дикого терновника и кизила. Андрей ехал шагом, зорко вглядываясь в каждую подозрительную тень и прислушиваясь к малейшему шороху. Рука его теперь покоилась не на поводьях, а рядом с рукоятью шашки. В этих дебрях смерть могла настигнуть с любой стороны, вылетев с коротким визгом свинцовой пули из-за любого поваленного ствола.

Часы пути в седле текли медленно. Под мерный шаг коня Андрей раз за разом прокручивал в уме предстоящий разговор. Он должен был убедить Амира пойти на чудовищный шаг: позволить русским тайно угнать скот Шарифа из собственного аула, чтобы спровоцировать кровный конфликт старейшины с ненавистными абадзехами. Это была игра с огнем, в которой на кон ставились десятки жизней. И где-то среди этих суровых мыслей то и дело мелькало бледное, решительное лицо Мадины, сжимающей в руках его ружье в ночном саду.

Наконец, лес начал светлеть и редеть. Запахло дымом кизяка и жильем. Очередная балка вывела всадника на широкую прогалину. Андрей натянул поводья и остановился.

Впереди, в небольшой естественной низине, прижимаясь к изгибу реки, раскинулся аул старейшины Шарифа. Турлучные сакли с плоскими земляными крышами жались друг к другу, над ними вился мирный утренний дымок. Спешивать-

ся Андрей не стал. Гордо выпрямив спину и приняв независимый вид богатого купца, он тронул коня и неспешно въехал на узкие кривые улочки.

Едва он показался в селении, как навстречу со злобным лаем бросились аульные волкодавы. Однако на этот раз тревога улеглась быстро. Местные дозорные, кутаясь в поношенные бурки, сразу узнали и статного темно-гнедого кабардинца, и богатый наряд всадника.

— Это армянин, купец Андрей! — крикнул один из воинов, опуская ствол ружья.

Горцы расступались, провожая его почтительными кивками. Слух о возвращении щедрого барышника мигом разнесся по дворам, и Андрея беспрепятственно пропустили к самому большому подворью — усадьбе старейшины Шарифа.

Хозяин уже ждал его у порога кунацкой. Лицо старого тлекотлеша, изрезанное глубокими морщинами, оставалось суровым, но в глазах мелькнуло удовлетворение. Шариф радушно пригласил гостя в дом, указал на почетное место у теплого очага и, извинившись, ненадолго вышел, дабы отдать распоряжения насчет подобающей трапезы.

В полумраке кунацкой Андрей остался наедине с Амиром. Молодой черкес сидел напротив, поджав ноги, и нервно теребил бахрому ковра.

— Я пытался, — глухо, без приветствия заговорил Амир, едва за отцом затворилась дверь. — Я говорил с ним. Пытался убедить, что союз с русскими — наш единственный шанс

спастись от Хас-Булата. Но отец упрям, как старый тур. Он не желает и слышать о мире с гяурами. Для него это позор.

Андрей пытливо посмотрел на юношу, силясь уловить малейшую фальшь.

— А Мадина? — тихо спросил лазутчик. — Она разговаривала с ним после того, как мы с ней… ночью…

Амир вдруг резко вскинул голову. Лицо его изобразило крайнюю степень искреннего изумления и даже оскорбленной чести.

— О чем ты толкуешь, купец? — Амир недоуменно сдвинул брови. — Мадина? Моя сестра осталась бы наедине с гяуром посреди ночи? Это немыслимо! За такой позор наш адат требует крови. Неужели вы и впрямь говорили?!

Андрей почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Он проницательно смотрел в ясные глаза Амира и понимал: горец всё прекрасно знает. Возможно, он сам и подстроил ту ночную встречу сестры с гостем, но сейчас, свято чтя неписаные законы горской чести, искусно играл в неведение. «К чему это лукавство, когда на кону их жизни?» — со злостью подумал Андрей, но тотчас взял себя в руки. Лазутчику нельзя поддаваться порывам. Нужно принять правила этой игры.

— Должно быть, мне приснился дурной морок в вашей кунацкой, — холодно отозвался Андрей. — Но раз уж мы заговорили о снах и сказках... Позволь рассказать тебе одну быль.

Амир весь обратился в слух, его глаза внимательно блеснули в полумраке.

— В одном далеком ауле жил-был упрямец-старейшина, — неспешно, понизив голос, начал Андрей. — Он ни в какую не хотел принимать подданство и губил свой народ непомерной гордостью. И так продолжалось до тех пор, пока однажды темной ночью хищники не угнали весь его скот, оставив аул на грани голодной смерти. Лишь оказавшись в безвыходном положении, упрямец понял, что помощь русских — его единственное спасение. Он запросил защиты.

Андрей сделал многозначительную паузу, не отрывая тяжелого взгляда от юноши.

— И что же было дальше? — одними губами спросил черкес.

— А дальше, — жестко усмехнулся Андрей, — русские штыки взяли этот аул под свою опеку. Селение тех самых хищных соседей было предано огню и сожжено дотла. И весь скот, всё их богатство перешло в руки того самого упрямца, который еще недавно так яростно противился Белому царю.

Амир нахмурился, силясь разгадать истинный смысл этих слов. Он понимал, что купец говорит притчами неспроста. В этом крылся какой-то выход, намек на спасение, но какой именно? Предать отца? Навести гяуров на соседей-абадзехов? План Андрея пока оставался для молодого горца сокрытым во мраке, но само семя сомнения уже было брошено.

В этот миг напряженную тишину разорвали тихие шаги.

Разговор мгновенно оборвался. Дверь распахнулась, и в кунацкую вошел Шариф, тяжело кряхтя и опираясь на свой посох. Старик опустился на почетное место. Следом за ним, словно легкое дуновение ветра, у открытых дверей вновь появилась Мадина. В руках она несла большой поднос с дымящимся мясом и свежим чуреком, но, свято чтя обычай, замерла у порога.

Амир поспешно шагнул к сестре, чтобы забрать угощение и накрыть на низкий столик-анэ. В то мгновение, когда девушка передавала брату тяжелый поднос, ее взгляд скользнул поверх его плеча и на краткий миг пересекся со взглядом Андрея. В черных, бездонных глазах Мадины вспыхнул живой огонек, и она едва заметно, одними уголками губ, тепло улыбнулась молодому лазутчику. Сердце Андрея предательски дрогнуло, и он невольно, искренне улыбнулся ей в ответ.

«Опомнись! Прекрати улыбаться, глупец! Ты русский лазутчик, а не безусый юнец!» — мысленно одернул себя Андрей, поспешно опуская глаза к столу. Мадина бесшумно скрылась во дворе, а Амир принялся молча расставлять чаши перед гостем и отцом.

Когда они приступили к еде, Шариф, отломив ломоть чурека, задумчиво посмотрел на гостя.

— Ты говоришь, что твой народ процветает, армянин. Но как вы, христиане, умудряетесь выживать и копить богатства на равнине, когда кругом идет жестокая резня? Кто стережет ваши стада и ваши сакли?

Андрей отложил еду. Это был тот самый миг.

— Нас защищает сила, которой мудро покориться, почтенный Шариф, — горячо, сорвавшимся голосом начал Андрей, воскрешая в памяти рассказы своих стариков. — Ты помнишь, как было раньше. Мы, армяне, веками делили с вами эти горы. Мы носим те же черкески, едим тот же чурек, наши деды клялись друг другу в куначестве. Мы были своими. Но потом с юга пришли турецкие муллы, и всё изменилось. Вчерашние соседи начали смотреть на нас волком.

Шариф нахмурился и, оперевшись руками на свои ноющие колени, стал невольно сжимать их старческими пальцами. Речь гостя была правдива и неприятна, но прерывать рассказчика было бы грубо.

— От нас потребовали забыть крест, — с горечью продолжил Андрей, подавшись вперед. — Кто не хотел принимать чужую веру — того объявляли врагом. Наши стада начали угонять, наши дома — жечь. За веру стали лить кровь. Наши старики поняли: еще немного, и от нас в этим краях не останется даже пепла. Пришло время выбирать — предать могилы отцов или уйти навсегда.

Андрей поднял голову, глядя прямо в напряжённые глаза старейшины.

— И тогда наши деды пошли к русским. К генералу Зассу. Да, к тому самому Зассу, чьим именем в ваших аулах теперь пугают непослушных детей. И знаешь, что сделал этот страшный человек? Он нас не отверг и не стал рубить. Он

дал нашим старикам слово и сдержал его. Засс вывел наши измученные семьи из-за Лабы, укрыл от набегов и дал нам землю на Кубани, прямо под спасительными жерлами пушек своей крепости.

— Вы назвали свое новое селение Армянским аулом… — задумчиво протянул Амир, глядя в огонь.

— Это наше новое гнездо, обретенный покров для всего нашего народа, — с гордостью кивнул Андрей. — Теперь это наша земля. Мы сами, своими руками, выкопали вокруг него глубокий ров и возвели плетневую ограду. Теперь ни одна хищная партия не может проникнуть к нам. Мы свободно ведем торг, сеем хлеб, наши табуны пасутся в безопасности. Мы сберегли свои жизни и достоинство, Амир, потому что вовремя уразумели: русский штык — это не только погибель для врагов, но и несокрушимый щит для тех, кто ищет мира.

В кунацкой повисла тяжелая тишина. Шариф задумчиво жевал мясо, не отрывая взгляда от пляшущего пламени очага. Искренний, идущий от самого сердца рассказ купца о народе, который спасся от истребления благодаря русскому генералу, глубоко запал в душу старого черкеса.

Остаток трапезы прошел в глубоком, задумчивом молчании. Ни Шариф, погруженный в свои невеселые думы, ни Амир, чье лицо застыло в немом напряжении, больше не проронили ни слова. Наконец, Андрей выпил последнюю чашу айрана, почтительно поблагодарил старейшину за хлеб-соль и вышел из полумрака кунацкой на залитый осенним

солнцем двор. Пора было начинать мену.

На небольшой площади аула его уже поджидали. Андрей привычно расстелил бурки и начал выкладывать свой товар: белоснежную соль, звенящее железо, медную утварь и пестрый мануфактурный «красный товар». Он прекрасно знал, как обычно ведут дела его соплеменники в горах. Старые купцы, пользуясь тем, что адыги наглухо заперты кордонной линией в своих ущельях, выжимали из их отчаянной нужды всё до последней капли. За пригоршню крупной соли барышники требовали отличную овчину, за аршин дешевого кумача заставляли отдавать лучший мед, спорили до хрипоты, клялись жизнью и безжалостно обдирали оголодавших горцев. Торг в этих лесах всегда оборачивался беспощадной войной купеческой хитрости против чужой безысходности.

Но Андрей прибыл сюда не за барышом. Окидывая взором исхудавшие лица женщин и суровые, полные затаенной нужды глаза мужчин, он вел мену так, как здесь не торговал никто и никогда. Когда сутулый горец неуверенно протянул ему связку лисьих шкур, ожидая привычной издевательской насмешки перекупщика, Андрей молча отсыпал ему столько белоснежной соли, что толпа вокруг изумленно ахнула. Он не тянул ткань до хруста, обманывая на длине, а щедро, с царским размахом отмерял широкие отрезы дорогой мануфактуры, не споря принимая взамен сырые кожи и тяжелые круги желтого воска.

Когда солнце начало клониться к закату, торг завершился.

Андрей подошел к своим лошадям, укрытым под навесом, и принялся их седлать. В этот раз, уже хорошо изучив норов вьючных животных и привыкнув к сложной горской упряжи, он справлялся с делом куда проворнее. Он ловко затягивал ремни, когда за спиной вновь послышались тихие шаги.

Это был Амир. Молодой горец подошел совсем близко и, глядя на сборы гостя, негромко произнес:

— Не спеши уезжать в ночь, купец. Останься. Моя вчерашняя просьба всё еще в силе.

Андрей замер, положив руку на луку седла. Лазутчик лихорадочно обдумывал свое положение. Что он привезет генералу фон Зассу, если уедет сей же час? Лишь весть о фанатичном упрямстве старого Шарифа да о том, что аул скоро породнится с абадзехами. Для командующего, который требовал полного контроля над Линией, это был провал. Генералу нужен был веский повод для стравливания непокорных племен, зацепка, чтобы обру

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.